

Амирханова Ю.С.

Аспирант

Московский университет им. А.С. Грибоедова

Россия, г. Москва

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОЦЕДУРЫ ОТНЕСЕНИЯ
ИНФОРМАЦИИ К «ДЕСТРУКТИВНОЙ» ДЛЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ
ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ
МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ**

Аннотация: статья посвящена анализу правовых оснований ограничения распространения информации, способной причинить вред здоровью и развитию несовершеннолетних, в российском праве. Обосновывается, что словосочетание «деструктивный контент» широко употребляется в публичном, профилактическом и междисциплинарном дискурсе, однако не имеет самостоятельного легального определения в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Рассматриваются доктринальные подходы к пониманию деструктивного контента, специальные категории запрещённой информации, реестровые и иные процедуры ограничения доступа, а также проблема разграничения социально рискованной, вредной для детей, ограниченной по возрасту и противоправной информации. Сделан вывод, что развитие регулирования

должно основываться не на использовании неопределённой общей категории «деструктивный контент» как самостоятельного основания государственного принуждения, а на конкретизации юридически проверяемых признаков отдельных видов информации и усилении процедурных гарантий.

Ключевые слова: деструктивный контент, защита детей от вредной информации, информационная безопасность несовершеннолетних, правовая определённость, Федеральный закон № 149-ФЗ, Федеральный закон № 436-ФЗ, Роскомнадзор, ограничение доступа к информации.

Amirkhanova Y.S.

Graduate student

Moscow University named after A.S. Griboedova

Russia, Moscow

LEGAL BASIS AND PROCEDURES FOR CATEGORIZING INFORMATION AS "DESTRUCTIVE" FOR MINORS: THE PROBLEM OF LEGAL CERTAINTY IN THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF YOUTH POLICY IN RUSSIA

Abstract: The article analyses the legal grounds for restricting the dissemination of information capable of harming the health and development of minors in Russian law. It argues that the term «destructive content» is widely used in public, preventive and interdisciplinary discourse but has no independent statutory definition in Federal Law No. 149-FZ of 27 July 2006 «On Information, Information Technologies and Protection of Information» or Federal Law No. 436-FZ of 29 December 2010 «On Protecting Children from Information Harmful to Their Health and Development». The article considers scholarly approaches to

destructive content, special statutory categories of prohibited information, registry-based and other access-restriction procedures, and the distinction between socially risky, harmful to children, age-restricted and unlawful information. It concludes that further regulation should not use the indeterminate general category of «destructive content» as an autonomous ground for state coercion; rather, it should specify legally verifiable indicators of particular types of information and strengthen procedural safeguards.

Keywords: destructive content, protection of children from harmful information, information security of minors, legal certainty, Federal Law No. 149-FZ, Federal Law No. 436-FZ, Roskomnadzor, restriction of access to information.

Введение

Словосочетание «деструктивный контент» прочно вошло в оборот представителей публичной власти, средств массовой информации, субъектов профилактики и исследователей цифровой среды. Вместе с тем в действующем российском законодательстве отсутствует единая легальная дефиниция данного понятия: ни Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон № 149-ФЗ), ни Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Закон № 436-ФЗ) не устанавливают самостоятельной правовой категории «деструктивный контент». Одновременно с этим российское право использует иной способ регулирования: оно закрепляет специальные виды информации, распространение которой запрещается, ограничивается либо допускается только при соблюдении возрастных и иных требований. К ним относятся, в частности, материалы с порнографическими изображениями

несовершеннолетних, информация о способах совершения самоубийства и призывах к его совершению, информация о способах изготовления и использования наркотических средств и местах их приобретения, а также информация, направленная на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью либо жизни и (или) здоровью иных лиц.

В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809, используется понятие «деструктивная идеология», однако оно имеет программно-доктринальное значение – Указ не вводит самостоятельного состава правонарушения, самостоятельного основания юридической ответственности или внесудебного ограничения доступа к информации. Поэтому понятие «деструктивная идеология» не может автоматически переноситься в сферу административного пресечения как готовый юридический критерий.

Научная литература подтверждает междисциплинарный характер рассматриваемой категории, так, Н. С. Погребная, исследуя риски сетевой коммуникации детей, предлагает различать конструктивный, нейтральный и деструктивный контент. Последний, по её мнению, может быть как противоправным, так и токсичным, то есть способным оказывать неблагоприятное воздействие, но не запрещённым законом¹. С данным подходом следует согласиться в части разграничения социального риска и правонарушения. Вместе с тем для публично-правового регулирования

¹ Погребная, Н. С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе / Н. С. Погребная // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 1(31). – С. 19-30. – DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30. – EDN TUURWW

категория «токсичного» контента не может сама по себе быть основанием блокировки, административной или уголовной ответственности, иное означало бы перенос психологических, педагогических либо моральных оценок в сферу государственного принуждения без достаточной нормативной определённости.

Е. В. Васько связывает «деструктивный интернет» с формированием мотивации разрушительного и саморазрушительного поведения несовершеннолетних². А. В. Пучнин и М. Ю. Пучнина рассматривают возможное влияние деструктивного интернет-контента на распространение колумбайн-идей среди несовершеннолетних³. Эти исследования важны для выявления рисков, разработки профилактики и построения межведомственного взаимодействия, однако психологическая или криминологическая оценка вероятного воздействия контента не равнозначна юридической квалификации конкретного материала. Вывод о наличии основания для ограничения доступа должен опираться на прямо установленный федеральным законом состав и доказанные признаки такого состава.

Таким образом, «деструктивный контент» может использоваться как научная и профилактическая обобщающая категория информационных рисков. Но до нормативного закрепления его содержания через проверяемые и дифференцированные признаки он не должен выступать самостоятельным основанием для ограничения доступа к информации, административной либо уголовной ответственности.

² Васько Е. В. «Деструктивный Интернет» в формировании мотивации разрушительного и саморазрушительного поведения несовершеннолетних / Е. В. Васько, А. А. Плахина // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 5(154). – С. 263-269. – DOI 10.51379/KPJ.2022.156.6.033. – EDN IHSTNX.

³ Пучнин А. В. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних / А. В. Пучнин, М. Ю. Пучнина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3(91). – С. 115-120. – DOI 10.35750/2071-8284-2021-3-115-120. – EDN ICAZWX.

1. Специальные категории вредной и запрещённой информации

Закон № 436-ФЗ образует базовую правовую конструкцию защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. Его модель является смешанной: законодатель сочетает перечисление видов вредной информации с оценочными признаками, требующими анализа содержания материала, контекста распространения, предполагаемой аудитории и возможного воздействия на ребёнка.

Е. А. Петрова, исследуя ограничения свободы доступа детей к информации с позиций юридической техники, обращает внимание на то, что Закон № 436-ФЗ содержит значительное число легальных дефиниций, но одновременно использует абстрактные формулы, способные порождать неодинаковую возрастную классификацию информационной продукции⁴. Данный вывод представляется обоснованным, однако в современных условиях проблема не исчерпывается возрастной маркировкой: регулирование построено из нескольких автономных режимов, предусмотренных Законом № 436-ФЗ, статьёй 15.1 Закона № 149-ФЗ, нормами о деятельности владельцев социальных сетей, законодательством о противодействии экстремистской деятельности, уголовно-правовыми и административно-деликтными запретами. С учётом действующего регулирования основные категории могут быть представлены следующим образом, описанным в таблице 1.

Таблица 1. – Категории деструктивной информации

Категория информации	Нормативная основа	Юридически значимый критерий	Общая процессуальная модель
----------------------	--------------------	------------------------------	-----------------------------

⁴ Петрова Е. А. Ограничения свободы доступа детей к информации как пример законодательных ограничений (с позиции юридической техники) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 12. – С. 278-282

Материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних	Подп. «а» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона № 149-ФЗ; нормы УК РФ	Относительно формализованный предмет информации	Реестровая процедура на основании решения уполномоченного органа
Информация о способах совершения самоубийства и призывы к его совершению	Ст. 5 Закона № 436-ФЗ; ст. 15.1 Закона № 149-ФЗ	Содержание, направленность, способ подачи материала	Специальная процедура ограничения доступа
Информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также местах их приобретения	Ст. 15.1 Закона № 149-ФЗ	Предметно-содержательный критерий	Реестровая процедура
Склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в противоправные действия, создающие угрозу жизни и (или) здоровью	Подп. «ж» п. 1 ч. 5 ст. 15.1 Закона № 149-ФЗ	Направленность на вовлечение несовершеннолетнего; наличие угрозы жизни или здоровью	Решение уполномоченного органа в пределах компетенции
Информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений	Подп. «к» п. 5 ч. 1 ст. 10.6 Закона № 149-ФЗ	Совокупность законодательно заданных признаков	Специальные обязанности владельца социальной сети; меры ограничения доступа в предусмотренном законом порядке
«Деструктивная идеология»	Указ Президента РФ № 809	Программно-доктринальная категория	Не является самостоятельным основанием юридической ответственности или ограничения доступа

Особого внимания заслуживает содержание подпункта «ж» пункта 1 части 5 статьи 15.1 Закона № 149-ФЗ – оно относится не ко всякому вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность, а к информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью. Следовательно, расширительное обозначение данной категории как «вовлечения в противоправную деятельность» без указания на опасный характер действий не соответствует буквальному содержанию нормы.

Необходимо учитывать и изменения, внесённые Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 216-ФЗ Закон № 149-ФЗ был дополнен нормами, адресованными владельцам социальных сетей, в том числе обязанностью осуществлять мониторинг определённой законом информации, содержащей признаки так называемого «треш-контента». Поэтому такие признаки, как оскорбление человеческого достоинства и общественной нравственности, явное неуважение к обществу и демонстрация противоправных действий при наличии низменной мотивации распространения, не являются только предметом гипотетических будущих поправок; соответствующая нормативная конструкция уже существует.

О. Ю. Ситкова и Л. В. Шварц обоснованно рассматривают информационную безопасность несовершеннолетних как сферу комплексной государственной правовой политики, требующую участия государства, семьи, образовательных организаций, интернет-платформ и институтов гражданского общества⁵. С данной позицией следует согласиться и конкретизировать сферу, как сферу молодёжной политики. Однако

⁵ Ситкова О. Ю. Перспективные направления государственной правовой политики в сфере информационной безопасности несовершеннолетних граждан в сети Интернет / О. Ю. Ситкова, Л. В. Шварц // Право и политика. – 2021. – № 8. – С. 71-86. – DOI 10.7256/2454-0706.2021.8.36200. – EDN PCGXNU

комплексность субъектов профилактики не заменяет определённости правового запрета, обязанность платформы по мониторингу, родительский контроль, деятельность школы и властные полномочия государственного органа различаются по природе, объёму и юридическим последствиям, поэтому закон должен ясно определять предмет запрета, компетентный орган, порядок принятия и мотивировки решения, срок его исполнения и порядок обжалования.

2. Ограничение доступа и гарантии правовой определённости

Статья 15.1 Закона № 149-ФЗ не создаёт общего полномочия признавать любую информацию «деструктивной» и ограничивать доступ к ней, она закрепляет специальную реестровую процедуру применительно к прямо указанным в законе видам информации. Основанием включения сведений в реестр в предусмотренных случаях служат решения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти, принимаемые в пределах их компетенции и в установленном порядке. Роскомнадзор администрирует соответствующую информационную систему и обеспечивает реализацию процедуры ограничения доступа в рамках предоставленных полномочий.

Поэтому научная оценка должна быть сосредоточена не на абстрактной «блокировке деструктивного контента», а на достаточности материально-правовых признаков конкретной запрещённой категории и на наличии процедурных гарантий. К последним относятся нормативная определённость основания ограничения, компетенция принимающего решение субъекта, мотивированность решения, возможность удаления конкретного материала вместо ограничения доступа ко всему ресурсу, а также доступность судебного обжалования.

Д. Н. Глущенко и Н. Ю. Акинина, рассматривая предупреждение противоправных деяний, связанных со склонением к совершению самоубийства в сети Интернет, подчёркивают значение ранней профилактики и взаимодействия семьи, образовательных организаций и компетентных органов⁶. Этот подход заслуживает поддержки: ограничение доступа к конкретному материалу не исчерпывает задач защиты ребёнка при суицидальных и иных опасных рисках. Вместе с тем профилактическая цель не освобождает правоприменителя от обязанности установить конкретные признаки запрещённой информации, как и общей ссылки на потенциально негативное психологическое воздействие недостаточно для применения меры государственного принуждения.

К. В. Бородин в исследованиях правовой защиты и обеспечения безопасности несовершеннолетних в сети Интернет также подчёркивает комплексный характер данной деятельности⁷. В настоящей статье данная позиция поддерживается с уточнением: межотраслевой и межсубъектный подход допустим только при разграничении компетенции субъектов и юридических режимов информации. В противном случае комплексность регулирования превращается в неопределённость оснований вмешательства.

Применение российских требований к иностранным платформам сопряжено прежде всего с вопросами фактической исполнимости, взаимодействия с владельцами ресурсов, установления надлежащего адресата требований и выбора технического способа ограничения доступа. Поэтому некорректно объяснять особенности регулирования тем, что иностранные

⁶ Глущенко Д. Н., Акинина Н. Ю. Предупреждение противоправных деяний, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершённых в сети Интернет в отношении несовершеннолетних // Вестник Югорского государственного университета. – 2019. – № 3 (54). – С. 32–38.

⁷ Бородин К. В. Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет / К. В. Бородин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7(68). – С. 68-74. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.068-074. – EDN XQOEBL.; Бородин, К. В. Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет / К. В. Бородин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25(380). – С. 56-60. – EDN VLZBTR

сервисы якобы «формально не подпадают под российское право». Правовая проблема заключается не в отсутствии нормативного основания как такового, а в трансграничном характере цифровой среды и в практических пределах реализации установленных требований.

3. Статистика ограничения доступа в 2025 году

По итогам 2025 года Роскомнадзор сообщил об ограничении доступа к 1,289 млн единиц запрещённой информации в сети Интернет, что на 59% превышает показатель 2024 года – 810,5 тыс. материалов. Эти сведения характеризуют число отдельных материалов, страниц или публикаций, в отношении которых применялись меры реагирования, а не количество интернет-сайтов как самостоятельных объектов⁸.

Для исследования защиты несовершеннолетних наиболее значимы следующие показатели: в 2025 году ограничен доступ к 155,6 тыс. материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, к 229,3 тыс. материалов пронаркотического характера и к 52,2 тыс. материалов, направленным на вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность. По сравнению с 2024 годом соответствующие показатели увеличились на 131%, 80% и 60%⁹.

Однако сама по себе статистическая динамика не доказывает ни расширения нормативных оснований признания информации запрещённой, ни изменения содержания юридических критериев квалификации. Увеличение числа материалов, в отношении которых ограничен доступ, может быть обусловлено ростом объёма мониторинга, совершенствованием

⁸ Роскомнадзор значительно увеличил блокировку запрещенного контента в 2025 году. Официальный сайт газеты «Ведомости». 19.01.2026. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvelichil-blokirovku-zapreshennogo-kontenta>.; РКН в 2025 году удалил на 59% больше запрещенных материалов. Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». 19.01.2026. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8361576>

⁹ Там же.

технических средств выявления, повышением эффективности взаимодействия с владельцами интернет-ресурсов, изменением практики применения уже действующих норм либо фактическим увеличением числа выявленных нарушений. Следовательно, эти показатели характеризуют масштаб правоприменительной активности, но не позволяют без специального эмпирического исследования утверждать, что ранее находившиеся в «серой зоне» материалы стали запрещёнными вследствие ведомственного изменения критериев.

В связи с этим статистику Роскомнадзора следует использовать как вспомогательный эмпирический материал, она позволяет показать интенсивность правоприменения, но не заменяет анализа нормативных оснований, индивидуальных решений уполномоченных органов и судебной практики.

Заключение

Российское право не содержит универсального легального понятия «деструктивный контент», вместе с тем отсутствие такого понятия не означает отсутствия правового регулирования: Законы № 149-ФЗ и № 436-ФЗ, а также иные федеральные акты закрепляют специальные категории информации, распространение которой запрещается, ограничивается или подлежит возрастной классификации в целях защиты детей, общественной нравственности, жизни и здоровья граждан.

Проведённый анализ показывает, что проблема правовой определённости состоит не в отсутствии любого нормативного материала, а во фрагментарности правового регулирования и различной степени конкретизации его признаков. Один и тот же материал может оцениваться с точки зрения защиты детей от вредной информации, противодействия склонению к самоубийству, предупреждения вовлечения

несовершеннолетних в опасные противоправные действия, требований к владельцу социальной сети, уголовно-правовых запретов или законодательства о противодействии экстремистской деятельности. Такое сочетание режимов повышает риск смещения оснований и расширительного толкования.

Авторская позиция состоит в следующем: категория «деструктивный контент» допустима как научное и профилактическое обозначение широкого круга информационных рисков, однако она не должна использоваться как самостоятельное юридическое основание внесудебного ограничения доступа, административной либо уголовной ответственности, пока законодатель не определит её содержание через проверяемые и дифференцированные признаки. Правовой режим конкретного материала должен устанавливаться не на основании общей отрицательной оценки его как «деструктивного», а посредством выявления конкретного юридически значимого свойства, прямо предусмотренного федеральным законом.

Дальнейшее развитие регулирования целесообразно связывать с: закреплением ясных признаков отдельных видов запрещённой информации; разграничением вредной для детей, возрастно ограниченной, противоправной и социально рискованной информации; установлением требований к мотивировке решений; обеспечением соразмерности ограничительных мер; развитием механизмов оперативного и эффективного судебного обжалования. Такой подход позволит совместить задачу защиты несовершеннолетних с требованиями правовой определённости и предсказуемости правоприменения.

Использованные источники:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
2. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации, 03.01.2011, № 1, ст. 48.
3. Федеральный закон от 08.08.2024 № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 12.08.2024, № 33 (Часть I), ст. 4912.
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.11.2022, № 46, ст. 7977.
5. Бородин К. В. Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет / К. В. Бородин // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 7(68). – С. 68-74. – DOI 10.17803/1994-1471.2016.68.7.068-074. – EDN XQOEVL.
6. Бородин, К. В. Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети Интернет / К. В. Бородин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25(380). – С. 56-60. – EDN VLZBTR.
7. Вискэ Е. В. «Деструктивный Интернет» в формировании мотивации разрушительного и саморазрушительного поведения

несовершеннолетних / Е. В. Васько, А. А. Плахина // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 5(154). – С. 263-269. – DOI 10.51379/KPJ.2022.156.6.033. – EDN IHSTNX.

8. Глущенко Д. Н., Акинина Н. Ю. Предупреждение противоправных деяний, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ, совершённых в сети Интернет в отношении несовершеннолетних // Вестник Югорского государственного университета. – 2019. – № 3 (54). – С. 32–38.

9. Петрова Е. А. Ограничения свободы доступа детей к информации как пример законодательных ограничений (с позиции юридической техники) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 12. – С. 278-282.

10. Погребная, Н. С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе / Н. С. Погребная // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2024. – Т. 9, № 1(31). – С. 19-30. – DOI 10.21603/2500-3372-2024-9-1-19-30. – EDN TUURWW.

11. Пучнин А. В. Влияние деструктивного интернет-контента на формирование колумбайн-идей среди несовершеннолетних / А. В. Пучнин, М. Ю. Пучнина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3(91). – С. 115-120. – DOI 10.35750/2071-8284-2021-3-115-120. – EDN ICAZWX.

12. Ситкова О. Ю. Перспективные направления государственной правовой политики в сфере информационной безопасности несовершеннолетних граждан в сети Интернет / О. Ю. Ситкова, Л. В. Шварц // Право и политика. – 2021. – № 8. – С. 71-86. – DOI 10.7256/2454-0706.2021.8.36200. – EDN PCGXNU.

13. Роскомнадзор значительно увеличил блокировку запрещенного контента в 2025 году. Официальный сайт газеты «Ведомости». 19.01.2026. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2026/01/19/1170063-roskomnadzor-znachitelno-uvelichil-blokirovku-zapreshennogo-kontenta>.

14. РКН в 2025 году удалил на 59% больше запрещенных материалов. Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». 19.01.2026. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8361576>.